

Геннадий Седов

Матильда Кшесинская. Любовница царей

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6684100
Седов Геннадий Матильда Кшесинская: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083176-0*

Аннотация

Блистательная Малечка Кшесинская, прима-балерина и любимица театрального Петербурга стала любовницей Николая II, а затем двух великих князей. Родила сына от одного Великого князя, а жила на деньги второго. Соперницы ославили ее как взяточницу и карьеристку... Чего только не рассказывали о ней... И что ждет ее впереди? Эмиграция, нищета и забвение или успех или всемирная слава? Судьба этой удивительной женщины похожа на увлекательный роман, предугадать новый поворот которого практически невозможно!

Содержание

Книга первая	4
Глава первая	4
1	4
2	5
3	9
4	12
Глава вторая	15
1	15
2	18
3	20
4	25
5	29
6	31
Глава третья	36
1	36
2	39
3	42
4	43
5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Геннадий Седов

Матильда Кшесинская.

Любовница царей

Книга первая

Глава первая

*«Но летит, улыбаясь мнимо,
Над Мариинскою сценой гита...
Мне ответь хоть теперь: неужели
Ты когда-то жила в самом деле
И топтала торцы площадей
Ослепительной ножкой своей?»*

(А. Ахматова «Поэма без героя»)

1

«И-и... раз!»

Вдохнув как можно глубже и задержав дыхание, девочка заглянула краешком глаза за перила: внизу не было ни души. Она подошла к краю деревянной лестницы, ступила, таясь, на первую ступеньку.

«У-ухр-ррр...» – слышалось негромко под подошвой.

Вторая по счету ступенька, знала она, была молчальница.

«И-ии – два...»

Умница-дощечка и на этот раз ее не подвела. Впереди была злючка-колючка-скрипучка – третья ступенька.

«И-ии...»

Прикусив для надежности язык, она опускала медленно ногу. Сначала на носок... хорошо... Те-е-пе-ерь... на пя-точку... Нога в шнурованном ботиночке не успела обрести нужную устойчивость, как противная деревяшка возмущенно взвизгнула: «йййй-ххрр-ччь!», словно ее переломили надвое, и вся тайна задуманного расстроилась вмиг, потому что высунулась, во-первых, из кухонной двери Нюра, спросившая буднично:

– Чтой-то вы, барышня, в такую рань?

Вышла следом из гостиной на Нюрин голос матушка в чепце, глянула на нее, застывшую растерянно у перил с корзинкой в руке, произнесла улыбочиво, в растяжку:

– Ранняя красная шапочка... Опять по грибы? – И строже: – Только до развилки, слышишь, Маля? Туда и обратно!

– Хорошо, мамулечка.

Она выскользнула легко в приотворенную дверь.

Утро было сырым и мгlistым, едва угадывалась за деревьями сада теплая полоска зари. Разом вдруг представился ей нарождавшийся летний день в имении, который предстояло еще только прожить – счастливый, бесконечный. Задуманная накануне ранняя вылазка

по грибы. Как все изумятся в доме, в особенности пьющие за столом утренний кофе сонизасони Юзя и Юля, когда она влетит, вернувшись из леса, в столовую с полной корзинкой; как вместе с мамочкой они отправятся после завтрака в купальню на Орлинку – будут плавать наперегонки от бортика к бортику, дурачиться, брызгать что есть сил друг на дружку; как вечером, в сумерках, затеют с соседскими ребятами игру в «палочку-воровку» – она наденет, чтобы удобнее было прятаться в кустах и на ветках деревьев, мальчишеский серый костюм, они, конечно же, заиграются допоздна, и за ними прибежит и уведет насильно за руки смешливая горничная Маша; как вечером, за ужином под уютной лампой, все будут прислушиваться к звукам снаружи, ждать возвращения папули из театра с чудным его кожаным саквояжем, в котором он привозит городскую вкуснятину в пергаментных пакетах – все кинутся гурьбой ему навстречу, станут извлекать гостинцы, помогать раскладывать по полкам в буфете, как им, в конце концов, напомнят, что давно уже пора лежать в постелях, а они всеми способами будут хитрить, искать повод, чтобы посидеть еще чуточку, и Юзя заснет с открытым ртом в кресле и будет мычать и брыкаться, когда его примутся будить...

Она сбежала вниз с широкого крыльца, услышала со стороны хозяйственного двора петушиный задавленный крик («опять этот Серик, дурак...»). Мысли ее были уже далеко – в лесу, среди пахучих сосен и елей, петляющих в таинственном полумраке тропинок, где попрятались хитро самые замечательные прятальщики на свете – грибы: боровики, маслята, рыжики, сыроежки, лисички...

Минуя дорожную колею, раскатанную телегами, она взобралась ближним путем на косягор. Быстро светлело вокруг, жарко становилось в наглухо застегнутой курточке-пелеринке. Высвобождая на ходу тесный крючок ворота, она ступила в заросль малинника, опасливо помахала перед собой зажатой в руке палкой, чтоб не наткнуться случайно на паутинную западню с гадкими пауками. До леса было рукой подать. Она перешла по дну неглубокого овражка, вышла, раздвигая руками папортниковые узорчатые опухли, на лесную опушку и тотчас же увидела в десяти каких-нибудь шагах, под корневищем густой ели, семейку тесно рассевшихся друг против друга рыжиков.

Вспыхнув от азарта, бросилась вперед – вместе с выпрыгнувшим из-под ног кузнечиком. Сидя на корточках, подрезала грибные ножки, бросала торопливо грибы в корзинку, косила глазами по сторонам: кто следующий?..

Читаем далее в «Воспоминаниях» семидесятипятилетней Кшесинской:

«...Я очень боялась пауков и брала с собой палку, чтобы прочищать дорогу от паутины. Однажды, завидя под деревом большой чудный гриб, я бросилась к нему, забыв о мерах предосторожности, и попала лицом прямо в паутину, а паук сел мне на нос. С перепугу я бросила корзину с грибами и со страшным ревом и криком бросилась сломя голову бежать домой, не решившись даже смахнуть противного паука с носа».

Крошечный эпизод из детства помнился ей до конца дней.

2

«Счастливое детство» – вовсе не избитое выражение, как принято думать, оно на самом деле существует. И, подобно детству несчастливому, во многом определяет человеческую судьбу.

У Мали Кшесинской детство было счастливым. Благодаря в первую очередь родителям.

В 1851 году большой поклонник польских зажигательных танцев император Николай Первый выписал из Варшавы пятерых балерин и танцовщиков – в целях популяризации, как

сказали бы теперь, нежно любимой самодержцем мазурки. В числе отобранных был двадцатилетний балетный артист Феликс (Адам-Валезиуш) Кржезинский-Нечуй, уже познавший успех на театральных подмостках Варшавы.

Распахнутая окном в Европу северная столица с петровских еще времен благосклонно принимала стремившихся сюда «на ловлю счастья и чинов» предприимчивых и даровитых иностранцев, становившихся ее архитекторами, воинами, служителями муз, чиновниками. Многие из них преуспели, а иные и прославились на избранном поприще, вписав свои имена в российскую историю. Кржезинский-Нечуй, изменивший для благозвучия сценическую фамилию на Кшесинский, оказался в числе удачливых – был принят сначала в Большой, следом в Александринский, а впоследствии в Мариинский театры, ставил балеты («Крестьянская свадьба» и «Роберт и Бертрам, или Два вора»), был партнером лучших балерин и гастролерш, талантливо исполнял мимические оперные и балетные партии, но главное – сделался ведущим тандором и законодателем исполнения мазурки на театральных подмостках Петербурга, виртуозом, о котором известный балетный критик А. Плещеев написал впоследствии: «Более удалое, гордое, полное огня и энергии исполнение этого национального танца трудно себе представить. Кшесинский умел придать ему оттенок величественности и благородства. С легкой руки Кшесинского или, как выразился один из театральных летописцев, с легкой его ноги, положено было начало процветанию мазурки в нашем обществе. У Феликса Ивановича Кшесинского брали уроки мазурки, которая с этой даты сделалась одним из основных бальных танцев в нашем отечестве».

Импозантный поляк с живописными усами сумел извлечь ощутимую пользу из повального увлечения петербуржцев модным танцем: неплохо зарабатывал сценой и уроками и в начале шестидесятых годов, в зрелом уже возрасте, создав, что называется, надежный материальный задел, счел возможным жениться – на вдове, польке по национальности, Юлии Доминской, окончившей в свое время Императорское театральное училище и тоже танцевавшей в кордебалете, правда недолго, из-за необходимости воспитывать детей.

Супругов многое объединяло, не в последнюю очередь – чадолюбие: родившаяся 1 сентября 1872 года в местечке Лигово под Петербургом девочка, названная Матильдой, была у матери тринадцатой по счету, включая умерших в младенчестве братьев и сестер от обоих браков.

Семья была небогатой, но зажиточной: занимала просторные квартиры в лучших частях города, лето проводила в купленном у генерала Гаусмана имении Красницы в шестидесяти трех верстах от столицы, на возвышенном берегу речки Орлинка. Усадьба включала в себя двухэтажный деревянный дом с садом и огородом, молочную ферму, птичий двор – все это стараниями практичного и мастеровитого хозяина содержалось в образцовом порядке, поставляло на стол свежие продукты, так что дети возвращались в слякотный осенний город и с ворохом живых впечатлений, и с запасом подкожного жира. Уже будучи ученицей Императорского театрального училища десятилетняя Маля получила однажды выговор за прибавку в весе от танцевального педагога Иванова, заметившего ей при всем классе на первой после каникул репетиции: «Прискорбно, мадемуазель, что вы так пополнили».

У Кшесинских не переводились гости – Феликс Иванович слыл в обществе отменным хлебосолом, умел и любил угощать. Особенно весело и обильно отмечали Пасху и Рождество. «К Пасхе, – вспоминает она, – отец сам готовил куличи. Он надевал белый передник и сам месил тесто, непременно в новом, деревянном корыте. Куличей по традиции пекли двенадцать – по числу апостолов. На пасхальный стол ставили сделанного из масла агнца с хоруговью. В Страстную субботу приглашали ксендза благословить пасхальный стол».

Интересная деталь: ксендз на православном празднике. Укоренившись в русской среде, обрусев по всем статьям, иностранцы из Польши остались верны римско-католической вере предков, детей крестили в костеле. Польский дух витал незримо в доме – в ностальгических

воспоминаниях о покинутой родине, об оставленных за Вислой родственниках, о знаменитом дедушке Яне, первом теноре Варшавской оперы, прожившем сто шесть лет, которого польский король называл «мой словик» – «мой соловей», в матушкиных песнях, напеваемых чуть слышно за вышиванием по шелку, в неослабеваемом интересе к происходящему в некогда мятежной, перекраиваемой многократно могучими соседями Речи Посполитой, бывшей в описываемую пору частью Российской Империи.

Эмоциональная от природы девочка слышит от отца захватывающую дух семейную легенду, похожую на авантюрный роман. События происходят в Польше, в первой половине XVIII века, во владениях их польского прапрадеда Красинского, носившего графский титул. Едва успев получить богатое наследство, он овдовел и вскоре сам последовал за горячо любимой женой, не в силах вынести потери. Состояние и графский титул покойного достались его двенадцатилетнему сыну Войцеху. С этим, однако, не пожелал смириться его родной дядя, вознамерившийся завладеть богатством покойного брата, нанявший для устранения племянника наемных убийц. Мальчика спас от неминуемой гибели преданный француз-воспитатель, бежавший с воспитанником на родину, в городок Нейи под Парижем, где у него был дом. Опасаясь преследований, он записал Войцеха Кржезинским – под девичьей фамилией матери. Беглец благополучно натурализовался во Франции, вырос, женился на соотечественнице Анне Зиомковской, родил сына Яна и, когда счел, что опасность миновала, вернулся с семьей в Польшу. Надеждам его вернуть утраченное состояние, однако, не суждено было сбыться. Коварный дядя, пользуясь длительным его отсутствием, объявил племянника умершим и получил, формально по закону, все, чего собирался добиться злодейством. Попытка Войцеха Кржезинского доказать по суду свои права не увенчались успехом: во время поспешного бегства француз-воспитатель не захватил нужных бумаг, все же, что могло быть обнаружено на месте – церковные архивы, гербовники, – сгорело в огне не затихавших в ту пору в Речи Посполитой войн и смут. Осталась, правда, малая толика документов, могущая быть отнесена к косвенным свидетельствам, хранимая бережно в некоей заветной шкатулке. Прадед завещал ее деду Яну (тому самому, солисту Варшавской оперы), а последний папочке, со словами: «Береги шкатулку как зеницу ока. После моей смерти она откроет тебе величайший секрет нашего рода». Папочка, опасаясь за судьбу ценнейших бумаг, передал шкатулку одному из родственников, чтобы сохранить в безопасном месте. Тот ее, однако, не вернул. Куда она исчезла и что с ней стало, неизвестно. Единственное, что сумел сохранить папа в доказательство своего происхождения – кольцо с гербом графов Красинских, так называемый геральдический «слеповронок» (описание его сохранилось в польском дворянском гербовнике). На лазуревом поле серебряная подкова, увенчанная золотым крестом, на нем черный ворон с золотым перстнем в клюве, на щите графская корона, шлем, дворянская корона, на которой сидит тот же ворон...

Итак, они прямые потомки графов Красинских, польские дворяне. Только трагическое стечение обстоятельств мешает им вернуть утраченное величие рода, земли и фамильные богатства, стать в один ряд с избранной прослойкой общества. Наверное, как-то по-иному, с поправкой на возраст, думает захваченная рассказом отца впечатлительная девочка-подросток, пусть лишь на краткий миг искорка эгоистического удовлетворения от услышанного вспыхивает в ней – дело сделано: зерно честолюбивых, неясных пока еще ей помыслов будет зреть отныне в практичной ее головке. Как покажет будущее, не зря...

В семье профессионального танцора и балерины дети, разумеется, умели танцевать. Маля танцевала с трех лет. Наряжалась в тряпки, уморительно крутилась у зеркала. Отец души не чаял в младшенькой, баловал сверх меры, возил на спектакли в Большой театр, где тогда работал. Исполняя однажды мимическую роль хана на дневном представлении балета «Конек-Горбунок», посадил дочку в служебную ложу и побежал в уборную гримироваться, а, выступив, разгоряченный успехом и позабыв обо всем на свете, отправился домой, встре-

ченный на пороге квартиры возгласом пораженной супруги: «Где же Маля? Где ты ее оставил?» – «Боже! – вскричал он. – Я позабыл ее в театре!»

Балетом была заполнена жизнь. Толковались на все лады бесконечные театральные новости, сплетни. Такой-то переведен из разряда вторых танцовщиков в первые, той-то преподнесли в бенефис дорогую диадему, другую жестоко разругали в газете, на такой-то премьере присутствовало такое-то число особ царской фамилии. Последнее обсуждалось особенно горячо: знаки внимания со стороны Двора, покровительство самого Государя. Недаром ведь танцевальную сцену Петербурга называют Императорской. Причастность к избранному искусству приближало к сильным мира сего, подчеркивало собственную значимость – вещи для обрусевших польских эмигрантов, натурализовавшихся в разлинованной табелями о рангах иерархической стране, вовсе не пустячные.

Интересы родителей, дух театра, пронизавший атмосферу дома, не могли не влиять на детей. Младшее поколение Кшесинских бредило сценой. В Государственном театральном музее имени А. Бахрушина в Москве хранятся балетные туфельки, напоминающие кукольные, купленные четырехлетней Мале для участия в детской массовке «Конька-Горбунка», – она извлекала в картине подводного царства волшебное кольцо из пасти страшного кита. Сцена происходила в самом конце спектакля, но маленькая артистка появлялась за кулисами за час до начала представления, чтобы получить свой парик и самолично упрятать кольцо в китовый зубастый рот.

А вот свидетельство старинного приятеля отца, упоминавшегося уже балетмейстера Л.И. Иванова:

«Как-то после репетиции Ф.И. Кшесинский попросил меня зайти к нему, объяснив, что хочет показать мне свою меньшую дочку и посоветоваться, что с ней делать. “Сошла с ума по балету, в театр не брать – плачет, а возьмешь, не спит целую ночь и все время старается изображать из себя балерину”. Придя к нему, я вскоре увидел одетого в балетный костюм семилетнего ребенка, который, никогда не учившись классическим танцам, с замечательной ловкостью и грацией выделял всевозможные балетные па и принимал разнообразные, нередко весьма трудные позы. Удивившись и сам такому детскому увлечению, я всмотрелся в нее более пристально и тогда же решил, что это несомненное призвание. “Учить надо, – сказал я ее отцу, – и учить немедленно. Такая любовь к танцам явление редкое, это несомненный талант, который необходимо развивать. Ты увидишь, что она будет балериной и знаменитостью”».

Первой, кто продолжил семейную профессию, была старшая дочь Юлия, по сцене Кшесинская 1-я, ставшая после окончания Императорского театрального училища достаточно успешной характерной танцовщицей, за ней средний брат Юзя, чрезвычайно похотливый на отца, такой же красивый и стройный, дослужившийся до почетного места первого танцовщика.

В 1880 году подошла очередь восьмилетней Матильды: осенью ее повезли, празднично одетую, в лакированных туфельках, в училище, держать вступительный экзамен.

Промозглый, ветреный этот день помнился ей в сплошном угаре. Накануне она перестаралась, упражняясь у зеркала в папочкиной репетиторской, где он давал домашние уроки танца приходящим ученикам, плохо спала, мучимая кошмарами. Ерзала на сиденье коляски, зажатая родителями, мысленно произносила слова молитвы: «Матерь Божья, помоги, пожалуйста! Я всегда, всегда буду хорошей!» Ничего другого не приходило в голову. Матушка в результате не выдержала, хлопнула досадливо по коленке: «Хватит вертеться, Маля! Успокойся, наконец! Ты прекрасно подготовлена!»

Кучер, миновав решетку Екатерининского сквера, свернул с заполненного толпой и экипажами Невского на Театральную. Она машинально привстала с места. Пронесся мимо фасад Александринского театра с квадригой вздыбленных коней на фронтоне, удерживае-

мых Аполлоном, потянулось вдоль улицы составлявшее единый ансамбль с театром здание Императорского училища. Коляска, замедляя ход, заворачивала к центральному подъезду. Гулко билось в груди сердце: скоро, скоро!..

Как во сне прошла она, сжимая руки родителей, через парадную дверь в гудящий головами вестибюль, где толпились возле гардероба в окружении пап и мам ничего не соображавшие кандидаты в знаменитости, прислонилась к холодной стенке...

Появлялась наверху, вызывая переполох в гардеробной, дама-распорядительница со списком в руке, приглашала очередную группу экзаменуемых. Мучительно тянулось время. Выкрикнули наконец и ее имя.

– Иди, детка! – быстро перекрестила ее матушка, подтолкнув слегка в спину.

Нетвердым шагом поднималась она в толпе молчаливых сверстников по витой лестнице, оказалась на втором этаже, покорно пошла следом за строгой дамой в глубину коридора, остановилась, наткнувшись на чью-то спину, у порога репетиционного зала.

– Входите... по одному, пожалуйста! – скомандовала распорядительница.

Толпясь и мешая друг другу, они ввалились в зал...

Страхи младшей Кшесинской по поводу вступительного экзамена были, в общем, напрасными: выигрышный билет заранее лежал в кармашке ее выходного платья. Не из-за театральных связей первого мазуриста Петербурга вовсе, в этом не было нужды. Первую свою профессиональную победу Маля одержала собственными силами, без поддержки со стороны – так будет, вопреки распространенному стереотипу, всегда на протяжении всей ее карьеры балетной артистки.

На что, прежде всего, обращала внимание комиссия? На внешность, разумеется. Девочки должны были быть пропорционально сложены, привлекательны с точки зрения балета. Иметь музыкальный слух, хорошо двигаться. Маля вполне отвечала этим требованиям: стройненькая, миленькая. Разве что, пожалуй, не вышла немного росточком. Здоровья отменного. Попросили пропеть у рояля гаммы – подряд и вразбивку, пройти до окон, остановиться, замереть на мгновение: никаких замечаний. Прыгает бесподобно. (Даром, что ли, муштровал ее несколько месяцев перед поступлением терпеливый ангел – папуля, даром копировала она дома в гостиной старшую сестру, носясь как угорелая и притоптывая ножкой в зажигательном краковяке?)

– Та-ак: поклонились, мадемуазель!.. Вскинули головку!.. Достаточно...

Когда, замерев в центре зала, темноволосая девочка в косичках глянула неожиданно с заносчивым видом на стоявших возле зеркальной стенки экзаменаторов, улыбнулся даже величавый председатель комиссии, живой бог столичного балета Мариус Иванович Петипа:

– Бьен... карашо.

Слово его было решающим.

3

Вообразим живую кокетливую девочку неполных одиннадцати лет, только что выехавшую в собственном экипаже из дома, на занятия в балетную школу. В Петербурге бледная и вялая весна, но уже продают на улицах фиалки – цветочницы бегут с тротуара к коляске, протягивают нежные букетики, кричат весело: «Купите, барышня!», она вдыхает с чувством едва уловимый цветочный аромат, косит азартным глазом по сторонам. Вокруг – пестрая нарядная толпа, люди двигаются во всех направлениях, наслаждаясь первым теплом; вот пролетел кто-то в двух шагах на лихаче, в парадной форме, глянул мимоходом в ее сторону – немедленно принять независимый вид, отвернуть гордо головку: так, кажется, поступают в аналогичных случаях светские дамы... или, может, напротив, улыбнуться небрежно?..

«Хорошенькая какая...» – слышится откуда-то. Она вертит по сторонам головой: кто сказал? по чьему адресу? День какой прелестный, господи! Как не хочется учиться!

Опять будет тоска в репетиционном зале: сонный Лев Иванович примется аккомпанировать на скрипке, произносить монотонно: «плие!..», «коленки надо вывернуть!»... «не отрывайте пятку от пола!» – по инерции, не глядя на учениц, выстроившихся вдоль балетной стенки. Можно во время его урока делать что угодно: передразнивать друг дружку, глядеть в окно – он и не заметит: скрипку Лев Иванович любит, кажется, больше, чем своих воспитанниц. Все, что он изо дня в день с ними повторяет: приседания с развернутыми врозь носками, перегибы с округлыми взмахами рук, батман вперед, батман назад, батман в сторону – все эти простейшие упражнения она давным-давно изучила дома. Скука смертная...

Она приходящая ученица, экстерница, в отличие от воспитанников, живущих в училище на казенном довольствии. Так постановили на семейном совете: Мале интернат ни к чему, средства, слава богу, позволяют не отрывать ребенка от семьи.

– Доброе утро, мадемуазель!

Знакомый швейцар помогает ей раздеться, вешает верхнее платье в шкаф. Она глядится, нахмурившись, в трюмо, приглаживает прислоненным пальцем бровки. Встряхнув туго заплетенной косой, устремляется вверх по лестнице: скоро звонок. Прыг-скок, – скачет с удовольствием по коридору, – прыг-скок...

– Кшесинская, – слышится за спиной, – остановите, прошу, ваш аллегро?

Господи, инспектрисса! Как всегда – внезапно...

– Простите, Варвара Ивановна! Бонжур!..

Чинным шагом продолжает она движение по коридору, кивает на ходу знакомым девочкам в казенных форменных платьицах. Заливается призывно колокольчик в руках дежурной воспитательницы:

– Мадемуазель, поторопитесь!.. Живее, живее!..

По положению приходящей ученицы ей надлежит повернуть на правую сторону, где расположены классы экстерников, но для нее сделали исключение, приравняли приказом дирекции к интернатовским воспитанницам, «пепиньеркам», у них более насыщенный курс по общим предметам: Закону Божьему, французскому, арифметике, географии, музыке. Учиться ей легко, учителя и классные дамы ставят ее в пример. Ее отличает красивый молодой географ мсье Павловский, нравящийся многим девочкам, и ей в том числе. По расписанию сегодня первый урок география; она чуточку волнуется, ожидая его появления на пороге.

– Доброе утро!.. Садитесь, прошу вас... («Очаровательная улыбка... смотрит, кажется, в ее сторону».)

У Павловского обыкновение: вызывать учениц к доске по очереди. Если вы отвечали ему накануне, то нынче можно не беспокоиться и урока не учить. Этим часто пользуются лентяйки – только не она, разумеется: домашние задания она готовит всегда, чтобы не вырасти, по выражению мамы, дунюшкой-неразумушкой.

Дождавшись, пока утихнет шум в классе, глянув мельком в тетрадь, Павловский произносит:

– Мадемуазель Степанова...

Выйдя к доске, та стоит истуканом и только хлопает глазами: урока нисколько не знает. Он отправляет ее на место, произнеся:

– Попросим исправить положение Кшесинскую, хотя сегодня и не ее очередь.

Получилось ужасно: она так спешила сегодня, что не успела переобуться на вешалке: осталась в теплых гамашах и ботинках.

Встав из-за стола, она просит разрешения отвечать, не выходя к карте. Павловский, на мгновение смешавшись, разрешает, а после звонка спрашивает, подойдя, с иронической улыбкой:

– Что это с вами, милая мадемуазель? Что вас так смутило?

И она говорит, показывая взглядом на клетчатые гамаши:

– Выйти в таком виде мне было неловко.

Павловский весело смеется:

– Понимаю, понимаю. И пожалуйста, не надо краснеть!

События прошедшего дня заново переживаются по дороге домой. Ей удалось посплетничать немного с Олечкой Преображенской у стенки в репетиционной зале, когда Лев Иванович вышел зачем-то ненадолго – она, разумеется, поведала подружке о курьезе на уроке географии, смеялись обе до упаду. Какой-то аноним с третьего этажа, где занимаются мальчишки, прислал на ее имя во время перемены записочку, состоящую из одних начальных букв, понять содержание было решительно невозможно. Она перебирает в памяти знакомых воспитанников: кто бы это мог быть? Есть кое-какие подозрения, надо проверить.

Училище балета – что твой монастырь: всюду недремлющее око блюстителей порядка и нравственности – воспитатели, педагоги, классные дамы, инспектора. Категорически запрещено какое-либо общение между мальчиками и девочками. Женская и мужская половины строго отделены: в бельэтаже репетиционные залы, классы и дортуары для воспитанниц, выше этажом, по-петербургски симметрично, аналогичные помещения воспитанников.

Нет, однако, на свете непреодолимых преград, к каждому замку найдется своя отмычка: если сильно захотеть, можно общаться и сквозь тюремные решетки. Обучение балетной технике включает работу с партнером, периодически в верхнем зале идут совместные репетиции. В красивой и нарядной училищной церкви на третьем этаже проходят по субботам общие моления, а по воскресеньям и праздникам всенощные и обедни. Прибавьте к этому коллективные выезды в Мариинский театр для участия в массовках – в старомодных поместительных каретах-«рыдванах» времен матушки Екатерины Великой, в таинственном полумраке скрипучего короба, на противоположных скамейках напротив друг друга. А сами вечерние представления на знаменитой сцене, где все пропитано амурными страстями – и музыка и танец, и пантомимы, и дети волею постановщика-хореографа вовлечены в общую игру? Так что возможностей для нежелательных контактов предостаточно, и понаторевшие в конспиративных приемах подростки вовсю ими пользуются: там, глядишь, словечком пара влюбленных перемолвилась, там незаметно кто-то сорвал за кулисой у дамы сердца мимолетный поцелуй в пылающую щечку, там на глазах у зазевавшейся дежурной переходит ловко из рук в руки интимная записочка, покуда не очутится в рукаве у адресата. Жизнь берет свое...

Влюблена ли она? Смешной вопрос: влюблена, разумеется! В папочку любименького – раз, в крестного дядю Мишу, немного в Павловского. Несколько дней была влюблена в воспитанника Сережу Рахманова, но чувство испарилось бесследно после того, как избранник явился на совместную репетицию с выпавшим передним зубом – умора!.. Сейчас ей нравится элегантный и стройный Николай Легат, недавний выпускник, танцующий с ведущими балеринами Мариинского театра, но это не окончательно, следует еще поразмыслить...

Покачивается уютно на рессорах экипаж, стекают наперегонки по мутному окошку дождевые ручейки. Она нисколечко за сегодняшний день не устала, улыбается собственным думам. Господи, как замечательно жить на белом свете!

4

Вчерашняя девочка без пяти минут барышня. Менее всего барышня кисейная. Она ходит на театральные премьеры, катается зимой на коньках по льду Невы, читает Тургенева и Жоржа Санда. Старшая сестра Юлия поверяет ей сердечные тайны, о которых не следует знать родителям, спрашивает совета. Да и собственные ее увлечения не столь уже наивны, как прежние.

«Четырнадцатилетней девочкой, – читаем в «Воспоминаниях», – я кокетничала с молодым англичанином Макферсоном. Я им не увлекалась, но мне нравилось кокетничать с молодым и элегантным юношей. В день моего рождения он приехал со своей невестой, это меня задело, и я решила отомстить. Пропустить даром этот афронт я не могла. Выбрав время, когда мы все были вместе и его невеста сидела рядом с ним, я ненароком сказала, что люблю по утрам до кофе ходить за грибами (дело происходит во время летних каникул в имении. – Г.С.). Он любезно спросил меня, не может ли пойти со мной. Этому мне только и нужно было – значит, клянуло. Я ответила в присутствии невесты, что если она даст ему разрешение, то я ничего не имею против. Так как это было сказано в присутствии всех гостей, то ей ничего не оставалось, как дать требуемое согласие. На следующее утро мы отправились с Макферсоном в лес за грибами. Он мне тут подарил прелестное портмоне из слоновой кости с незабудками – подарок, вполне подходящий для барышни моего возраста. Грибы мы собирали плохо, и к концу прогулки мне казалось, что он совсем позабыл про свою невесту. После этой лесной прогулки он стал писать мне любовные письма, присылал цветы, но мне это скоро надоело, так как я им не увлекалась. Кончилось это тем, что свадьба его не состоялась...»

Забавно, не правда ли? Соблазнить в четырнадцать лет, а потом оставить на бобах молодого мужчину, который, оказывается, и даром тебе не нужен, расстроить из-за пустяшного укола самолюбия чужое счастье – такое не всякой опытной кокетке под силу. А чего стоит фраза: «Пропустить даром этот афронт я не могла»? Так и слышишь рядом щелчок взводимого пистолетного курка в руках записного дуэлянта: «К барьеру, сударь!»

С детства Маля не любит проигрывать. Ни в спорах, ни в играх. Ни в чем. Ввязывается азартно в борьбу, выпускает коготки. «Порох! – всплескивает руками матушка. – Господи, в кого ты у нас такая уродилась, воительница?» (На одной из сохранившихся фотографий Кшесинской той поры – барышня в пышном платье с оборками, надменно глядящая в объектив. Вскинутый подбородок, полуулыбка плотно сжатых губ. Гордая польская панночка, хочется сказать.)

Она все больше разочаровывается в занятиях балетом. Томится на репетициях, не видит смысла в однообразной, тоскливой муштре у стенки. Обдумывает, как убедить родителей забрать ее из училища. Хочет стать пианисткой. Трудно сказать, чем бы все это закончилось, не вмешайся случай: она увидела впервые на сцене прославленную Вирджинию Цукки.

Петербургский балет в описываемую пору переживает упадок. Тускнеет на глазах уровень исполнительства ведущих балерин – Соколовой, Вазем, Горшенковой, заканчивающих в силу возраста свою карьеру, достойной смены ветеранам пока не видно. Публика, по инерции заполняющая кресла Мариинки, глухо ропщет на потерянное даром время, освистывает артистов. Балетные критики «Петербургской газеты» и «Биржевых ведомостей» мечут в театральные колонки грома и молнии по поводу мертвящего застоя в храме Мельпомены.

Положение в какой-то мере спасают гастролеры, главным образом итальянские. В Петербург наезжают периодически ведущие балерины миланской «Ла Скалы»: Дель Эра, Брианца, Гримальди, Леньяни. Иные из них заключают с дирекцией императорских театров контракты на несколько сезонов, танцуют заглавные партии текущего репертуара.

Сестра как-то, возвратившись рано с репетиции, попросила Малю об одолжении. Гвардеец барон Зедделер, Юлин поклонник, взял на нынешний вечер билеты в кафе-шантан «Кинь-грусть» на Островах, где выступает в антрепризе М. Лентовского приехавшая на гастроли итальянская виртуозка Вирджиния Цукки. Сам барон, к сожалению, пойти на спектакль не может, поскольку неожиданно назначен в караул. Не согласится ли Малечка ее сопровождать? Поскольку одной ей идти в публичное место не совсем прилично...

– У меня нет настроения выходить из дома... – прозвучало в ответ. – Взгляни, пожалуйста...

Мрачная, она сидела в общей их комнате возле туалетного столика, смотрелась в трюмо. По глупости расковыряла на лбу небольшой прыщик, который теперь воспалился и противно ныл.

– Чудовищно, правда?

– Да не видно почти ничего, дурочка! – Сестра засуетилась, стала перебирать на столике гору флакончиков и баночек. – Посиди спокойно минутку... – Отвернув крышку, принялась втирать подушечками пальцев кольд-крем в кожу, дула горячо на лоб. – Потерпи, потерпи! – Извлекла бархотку из пудреницы, мягко провела по больному месту. – Ну, – спросила иронично, – где же наш прыщик?.. Давай, собирайся быстрее, времени в обрез!

На небольшой сцене кафе-шантана, мало подходившей для классического танца, Цукки в тот вечер должна была танцевать в дивертисменте партию баядерки Падманы из балета «Брама». Сидевшие в зале за столиками посетители пили вино, курили, шептали на ушко комплименты раскрасневшимся дамам. Обстановка была самая что ни на есть кабацкая.

Маля ерзала в кресле, ожидая выхода итальянки, томилась. Жалела, что поддалась на уговор сестры. Снова стало зудеть на лбу расцарапанное место. Она постукивала нервно пальчиками по скатерти: появится когда-нибудь наконец эта Цукки?

Сорвав жидкие хлопки, раскланялась с публикой очередная исполнительница: камерная певица с вызывающим декольте. Ведущий объявил выход гастролерши, заиграла, покрывая шум зала, увертюра. Все, что за этим последовало, начиная со стремительного вылета на помост немолодой темноволосой балерины в пестрых шелках, не поддавалось определению. Ничего похожего она никогда не видела. Вот каким, оказывается, может быть балет!

«Появление на нашей сцене Цукки, – напишет она впоследствии, – открыло мне смысл и значение нашего искусства. Она произвела на меня впечатление потрясающее, незабываемое. Мне казалось, что я впервые начала понимать, как надо танцевать, чтобы иметь право называться артисткой, балериной. Цукки обладала изумительной мимикой. Всем движениям классического танца она придавала необычайное очарование, удивительную прелесть выражения. Для меня исполнение Цукки было и осталось подлинным искусством, и я поняла, что суть не только в виртуозной технике, которая должна служить средством, но не целью. У Цукки были необыкновенно выразительные движения рук и изгиб спины, которые я хотела запомнить, жадно следя еще детскими глазами за ее исполнением. Говорили потом, что у меня были движения рук и спины, как у Цукки. Я сразу ожила и поняла, к чему надо стремиться, какой артисткой надо быть».

Первое, о чем она подумала, пробудившись наутро: в жизни случилось что-то очень важное. Перед глазами стояла Цукки, осыпаемая цветами. Отныне у нее есть идеал! Она будет танцевать, как Цукки, станет такой же знаменитой. До выпускного экзамена – целых два года, многое можно успеть...

Вчера еще готовая бежать из танцевальной казармы строптивая барышня снова образец трудолюбия в классе педагога Екатерины Отговны Вазем. Строгий взгляд экс-балерины невольно отыскивает в репетиционном зале среди стайки охорашивающихся у стенки воспитанниц знакомую фигурку: Кшесинская напоминает ей самое себя в пору ученичества.

– Заняли места, мадемуазель! – Требовательный хлопок в ладоши. – Приготовились... слушаем музыку!.. Вторая позиция!.. Пятая... Так... Хорошо... Рыхлякова, выворотней бедро!.. Еще, еще!.. Начали движение!.. Адажио... четвертый арабеск! Хорошо... хорошо... Четвертый фор-де-бра!.. продолжайте... хорошо... Стоп! – Очередной хлопок, эхом отдающийся в зале. – Начинаем аллегро!.. Та-ак, движение... не задерживайтесь – быстрее, быстрее! Ноги, мадемуазель, думают самостоятельно... Аттитюд выше! Кшесинская, не морщите лоб, скоро состаритесь... Продолжаем... выворотность не забывать!.. Стоп! Повторили... с левой ноги!.. Хорошо! Теперь с правой!.. Стоп! Все – обратно!.. Начали... И-и раз!.. И-и два!..

Живые оловянные солдатики в стандартных юбочках с воланами, прикрывающих колени, повторяют раз за разом элементы классического танца. Каждое положение корпуса, каждая позиция рук и ног, каждый поворот или наклон головы предопределены каноном. Любое отклонение от образца недопустимо, пресекается немедленно.

– Не фантазировать! Делайте, как я показываю! И-и раз!..

Вертится гончарный круг, неделя за неделей, месяц за месяцем. Глина в руках мастеров не всегда подходящего качества – отбрасываются в угол мастерской чужеродные куски, негодный полуфабрикат. Но и сами мастера часто не на высоте, случается сплошь и рядом: глина высших кондиций, а корежится, пузырится, утекает сквозь пальцы, потому что пальцы нечутки, неталантливы, и выходят в итоге из печи после обжига изделия-уродцы, которые, как потом ни глазурь и ни раскрашивай в яркие цвета, лучше выглядеть не станут: цена им в базарный день копейка. Штучный, коллекционный товар на выходе – редкость...

В десятом, выпускном, классе педагога Христиана Петровича Иогансона несколько кандидаток на высший балл. Кшесинская – в ведущей тройке. После суховатой педантичной Вазем с ее замечаниями на репетициях, похожими на диктант, уроки «Христенки», как зовут его между собой воспитанницы, всегда – игра, образные представления.

Величавый патриарх со скульптурной лепкой лица Иогансон не просто самый титулованный среди педагогов-репетиторов. Начавший балетную карьеру, как Кшесинский-отец, еще в царствование государя Николая Первого, танцевавший некогда в паре с самой Марией Тальони обрусевший швед-эмигрант – один из творцов русской школы классического танца, ревностный ее служитель и охранитель. Большинство училищных педагогов были когда-то его питомцами и в собственной практике следуют благоговейно заветам учителя.

В классе «Христенки» всегда приподнятая атмосфера: безупречно одетый, говорящий с французским акцентом улыбчивый ветеран заражает учениц артистизмом, благородной, неаффектированной простотой. Его показы выразительны и ясны, он учит воспитанниц не скакать эффектно на пальцах, а мыслить и переживать. Работая с ним, не замечаешь абсолютно часов: звонит за стенкой колокольчик к окончанию занятий, а чувство такое, будто и половины урока не минуло.

У старого джентльмена правило: ждать, пока не покинет зал последняя ученица.

– Христиан Иванович, до свидания!

Элегантный наклон головы в сторону присевшей в книксене «пепиньерки».

– Оревуар, Христиан Иванович!

Очередной полупоклон, улыбка.

– До свидания...

– Малечка, дорогая! – наклонившись, он целует ее в макушку. – Пожалуйста, кланяйтесь от меня почтенным вашим батюшке и матушке!

– Спасибо, Христиан Иванович! Непременно!

– Храни вас Бог, детка!

Глава вторая

1

– Значит, воспитанником своим ты вполне доволен? – Тучный, в пышных усах Александр Третий глянул вопросительно на неудобно сидевшего напротив обер-прокурора Синода Победоносцева. – Служит исправно, от дел государственных не отлынивает... Так, что ли?

– Точно так, ваше величество.

От опытного царедворца не ускользнула озабоченная нотка в словах государя. Что интересно за сим последует?

– Скажи, Константин Петрович... – Александр по-медвежьки тяжело поднялся из-за стола (вскочил одновременно и высокий, вровень с императором, Победоносцев). – Ты молодым себя помнишь? – Взял собеседника под локоть, повел не спеша через кабинет, – Когда в жар и холод бросало от каждой проходящей мимо юбки. А?

Они приблизились к высокому, вровень с полом, окну, встали в простенке между портьерами. За литыми высокими стеклами, расцвеченными морозцем, падал на деревья гатчинского парка бесшумный снег. Весна по обыкновению не торопилась на русский север.

Победоносцев чувствовал, что запарился в вицмундире, хотелось почесаться под тесным воротником. «Ну же, ваше величество, – мысленно торопил он монарха, – объясните наконец ваши иносказания!»

Царь, слава богу, недолго дипломатничал, рубанул по обыкновению сплеча: наследник мается плотью. Угнетенное состояние духа: вял, апатичен, сам не свой... Императрица обеспокоена, вопрос обсуждался на семейном совете.

– Вырос жеребчик...

Ироничный взгляд на воспитателя сына.

– Что скажешь?

Фыркнул в усы, тут же посерьезнел, провел задумчиво пальцем по орденскому созвездию на груди у верного сподвижника:

– Константин Петрович, ты не хуже меня знаешь наследника. Сам он недостаточно решителен. Не нарвался бы на дрянь какую... Займись оным делом немедля. Найди достойную особу. Не мне тебя учить... Доложишь, что и как... Ступай, спасибо за службу. Докладом твоим я доволен вполне...

Поклонившись, Победоносцев скорым шагом пошел из кабинета.

Щекотливое поручение монарха не выглядело по меркам морали описываемого времени чем-то исключительным. Добрачные связи среди молодых (и не очень) представителей царствующей фамилии были в порядке вещей. Афишировать их считалось дурным вкусом, иметь содержанку, любовницу на стороне – едва ли не уставным правилом. Столичная публика и обыватели сплетничали о романах великих князей с кафешантанными танцовками, артистками императорских театров, балеринами, газеты помещали по этому поводу карикатуры, писали фельетоны. Дело дальше не шло, выказывать решительное осуждение великосветским романам мало кому приходило в голову. Что позволено, как говорится, Юпитеру, не позволено быку...

Предпринятые в спешном порядке действия по исполнению императорской просьбы дали на первом этапе неожиданный сбой. Отвечавшая, казалось бы, всем требованиям особа, молодая певица оперного отделения Мариинского театра Е. Мравина, призванная удовлетво-